изобразительным средством, поэтому изобразительная функция присуща всем графонам. В пределах этой функции графон выполняет разнообразные частные функции, в том числе такие: выделительно-актуализирующая, эмоционально-оценочная, передача речевых особенностей говорящего, создание смысловой многоплановости слова (приращение смысла), привлечение внимания читателя, вычленение в слове смысла, важного для автора, побудительная функция.

Появление графически осложненных единиц в письменной речи не случайно: оно связано с качественно новым этапом развития современной коммуникации, который характеризуется, с одной стороны, демократизацией, относительной нестабильностью и необязательностью соблюдения существующих норм, с другой – большими объемами передаваемой информации и, как следствие, ее «распределением» между разными каналами восприятия, в том числе и визуальными. В современной коммуникации наблюдается преобразование собственно вербальной коммуникации в видеовербальную.

Литература

1. *Арнольд, И.В.* Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М., 2002.

2. *Емельянова, Л.Л.* Нарушение орфографической нормы как средство создания стилистического эффекта / Л.Л. Емельянова // Филологические науки. – 1976. – № 1. – С. 107–113.

3. *Клевцов, А.Н.* Семантика и функции кавычек в современном русском языке (на материале печатных СМИ): дис. … канд. филол. наук / А.Н. Клевцов. – Ярославль, 2009.

4. *Кухаренко, В.А.* Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М., 1988.

5. *Попова, Т.В.* Графодериват: слово или текст? / Т.В. Попова // Русский язык: человек, культура, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. Т.В. Попова, Ж.А. Храмушина, Ю.С. Подлубнова. – Екатеринбург, 2008.

6. *Сковородников, А.П.* Графон / А.П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – М., 2009. – С. 106 – 109.

УДК 811.161.1

Н.В. Козловская

«БЕСПОЧВЕННОСТЬ» ЛЬВА ШЕСТОВА КАК АВТОРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕРМИН

В статье рассматривается одно из ключевых понятий философии Л. Шестова – «беспочвенность» – как авторский философский термин. Данный термин в произведениях философа представлен через совокупность отрицательных определений. У автора термин «беспочвенность» образуется напрямую от существительного «почва», минуя обязательную для языковой системы промежуточную ступень – прилагательное. Определение термина «беспочвенность» является контекстуальным, описание его значения строится по аналогии с отрицательно-перечислительной дефиницией.

Авторский философский термин, почва, беспочвенность, определение, значение.

This article considers one of the key concepts of the philosophy of L. Shestov – “groundlessness” - as the author's philosophical term. This term is represented as a set of negative definitions in the works of the philosopher. The author forms the term “groundlessness” from the noun “ground”, omitting an intermediate stage of a language system – an adjective. Definition of the term “groundlessness” is contextual; the description of its meaning is built on the analogy of the negative enumerative definition.

Author’s philosophical term, ground, groundlessness, definition, meaning.

Слово «беспочвенность», вынесенное в сильную текстовую позицию заглавия работы «Апофеоз беспочвенности», обозначает одно из ключевых понятий шестовской философии и имеет не подлежащий сомнению статус авторского философского термина. Подобные лексические единицы Н.М. Азарова характеризует следующим образом: «термины, появившиеся первоначально в текстах одного философа и актуализирующие в настоящее время связь с текстом этого философа» [1, с. 62]. В энциклопедии «Русская философия» «беспочвенность» трактуется как «термин Шестова, обозначающий в качестве задачи философии избавление от власти „почвы“ или многоликой необходимости» [5, с. 50]. Но, если «беспочвенность» есть отказ от «почвы», возникает вопрос: почему «беспочвенность» – термин, а «почва» (слово, употребляющееся в работах философа во много раз чаще) термином не признается? Кроме того, вызывают интерес проблема соотношения словарных и авторских значений слов «почва» и «беспочвенность» и проблема определения философского термина автором.

Говорить о философских терминах Шестова трудно (не менее трудно анализировать его произведения) прежде всего потому, что принцип «беспочвенности» заставил автора отойти от привычной формы философского текста, от ожидаемой читателем последовательности и системности изложения и от каких бы то ни было научных дефиниций. Ср.: «...незаконченные, беспорядочные, хаотические, не ведущие к заранее поставленной разумом цели, противоречивые, как сама жизнь, размышления – разве они не ближе нашей душе, нежели системы, хотя бы и великие системы, творцы которых не столько забо-

тились о том, чтоб узнать действительность, сколько о том, чтоб „понять ее“?» [14].

Термины не получают у Шестова дефиниций в привычном смысле этого слова: в большинстве случаев речь может идти лишь о контекстуальных определениях. Определения «беспочвенность» как такового нет; наиболее близким к дефиниции, но только по форме, а не по содержанию, можно считать следующее: «Беспочвенность — основная, самая завидная и наиболее для нас непостижимая привилегия божественного» [10].

Сформулируем творческую гипотезу, которую мы хотим доказать в этой статье: на наш взгляд, термин «беспочвенность» в произведениях Л. Шестова представлен через совокупность отрицательных определений, логически вытекающих из контекстов, в которых «беспочвенность» или ее аналоги обязательно противопоставлены «почве» или ее аналогам.

Сложность анализа лексем «беспочвенность» и «почва» (в шестовском понимании этого слова) связана с их абстрактной природой: корреляты таких имен идеальны и не существуют независимо от языка. Особенность абстрактного имени, по мысли Л.О. Чернейко, заключается в том, что «инвариантная часть его содержания, общая для всех носителей языка, мала в сравнении с вариативной, производной от опыта языковой личности» [8, с. 173].

Инвариантная часть имен «почва» и «беспочвенность» отражена в толковых словарях русского языка. В МАС у слова «почва» 4 значения: прямое (основное), специальное и два переносных.

Почва, -ы, ж. 1. Поверхностный слой земной коры, в котором развивается растительная жизнь; земля. *Повышение плодородия почвы.* 2. горн. *Порода, на которой залегает полезное ископаемое.* 3. перен. То, на чем зиждется что-л.; основание, основа. *Поставить на научную почву изучение чего-л.* 4. перен.; чего или какая. Область, сфера. *Разговор возвратился опять на политическую почву.* **Выбить почву из-под ног. Зондировать почву. Прощупать почву. Терять почву под ногами. На почве чего. Почва ушла из-под ног.**

Лексема «беспочвенность» (и прилагательное «беспочвенный») впервые стали объектами лексикографического описания в 1891 году, в словаре Даля их нет. В словарях XX и XXI веков (ТСУ [7], МАС [6], БАС [2]) «беспочвенность» толкуется отсылкой к прилагательному «беспочвенный» и через синоним «необоснованность».

Для нас очень важен способ лексикографического представления слова «беспочвенность»: свойство по значению прилагательного «беспочвенный», т. е. вся цепочка выглядит так: **почва** – **беспочвенный** (не имеющий... почвы; приставочно-суффиксальный способ, приставка бес- /«лишенный чего-нибудь, не имеющий чего-нибудь»/ и суффикс -енн- /«отнесенность к предмету»/ – **беспочвенность** (суффиксальный способ, суффикс -ость /«непроцессуальный признак, названный мотивирующим прилагательным»/).

По нашим предварительным наблюдениям, у Шестова эта цепочка выглядит иначе, термин «беспочвенность» (возможно, в силу того что лишается свойственной ему в литературном языке негативной оценочности) образуется напрямую от существительного «почва», минуя обязательную для языковой системы промежуточную ступень – прилагательное. Анализ текстового материала позволит нам убедиться в этом или же опровергнет наше предположение.

Философская концепция Льва Шестова во многом базируется на оппозиции понятий «почва» и «беспочвенность». Шестов внес очень большой вклад в формирование вариативных частей значений этих имен, придав, в частности, одному из них статус авторского философского термина.

В произведениях Шестова слово «почва» используется очень активно, показатель частоты его существенно выше, чем у общепризнанного авторского термина «беспочвенность». Слово «почва» в Национальном корпусе русского языка [4] в подкорпусе «Шестов» зафиксировано в семи произведениях из 13 (68 вхождений); «беспочвенность» – в 4 документах (14 вхождений). Наибольший интерес представляют произведения «Шекспир и его критик Брандес» (СПб., 1898); «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (СПб., 1900); «На весах Иова» (СПб., 1929) и философский манифест Шестова «Апофеоз беспочвенности» (СПб., 1905).

Статистические показатели говорят о том, что концептуальность слова не всегда оказывается связанной с частотой – но в то же время частота слова «почва» делает его словом-ключом, с помощью которого расшифровывается содержание философского термина «беспочвенность». Несмотря на меньшую частоту, это слово гораздо более значимо. Но в то же время понять, что такое «почва» у Шестова, можно лишь на основе пресуппозиционного знания о том, что главное для Шестова – «беспочвенность» как отрицание основ.

Слово «беспочвенность» Шестов часто заменяет текстовыми синонимами или аналогами. К таковым можно отнести слова с приставками без- и бес-: беззаконие, безосновность, безмотивность. Слова «безнадежность» и «безысходность» нельзя назвать аналогами «беспочвенности», но они представляют интерес, так как называют наиболее благоприятные условия для отказа от чего-либо, т. е. для возникновения беспочвенности как принципа понимания мира и общения с миром: «Безнадежность – торжественнейший и величайший момент в нашей жизни» [10]. Кроме того, исследователи творчества Шестова относят к аналогам термина «беспочвенность» слова «произвол», «дерзновение», «свобода», «каприз», «живая жизнь», «адогматическое мышление».

Начнем с анализа непосредственного текстового окружения слова «беспочвенность»: вычленим основные компоненты смысла из немногочисленных фрагментов с этим словом. Шестов последовательно включает в понятие беспочвенности новые и новые составляющие, при этом во всех цитатах есть синтагматические показатели семы «отказ от...».

В таблице представлены результаты анализа кон-

текстов слова «беспочвенность», в которых – пусть и в размытом виде – присутствует модель: беспочвенность – отказ от – почва.

Цитата	Компоненты значения
Беспочвенность (здесь и далее в таблице выделено мною. – *Н.К.*), даже апофеоз **беспочвенности**, – может ли тут быть разговор о внешней законченности, когда вся моя задача состояла именно в том, чтоб раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов, с таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателями великих и не великих философских систем	Отсутствие внешней законченности (речь в отрывке идет о тексте), всякого рода начал и концов, отказ от философских систем
Что порядок, о котором мечтают философы, существует только в классных комнатах, что твердая почва рано или поздно уходит из-под ног человека, и что после того человек все-таки продолжает **жить без почвы** или **с вечно колеблющейся под ногами почвой**, и что тогда он перестает считать аксиомы научного познания истинами, не требующими доказательств, что он перестает их считать истинами и называет ложью. И что мораль, если только можно, не играя словами, назвать моральным его отношение к миру и людям, называет знание по причинам самым несовершенным знанием. Его девиз: апофеоз **беспочвенности**...	(Отказ от) порядка (о котором мечтают философы), от аксиом научного познания: эти истины ложны; (отказ от) морали; жизнь без почвы или с колеблющейся под ногами почвой
Может быть, наши дети испугаются взятой нами на себя задачи, назовут нас «промотавшимися отцами» и снова обратятся к накоплению сокровищ, духовных и материальных. И опять уверуют в идеи, прогресс и тому подобные вещи. Что касается меня лично – то я в этом почти не сомневаюсь. Солипсизм и **культ беспочвенности** недолговечны и, главное, не преемственны. Окончательное и последнее торжество в жизни, как и в старинных комедиях, обеспечено за добром и здравым смыслом	(Отказ от) накопления духовных и материальных сокровищ? (Отказ от) идей, прогресса, доброго и здравого смысла; солипсизм (субъективный идеализм); культ беспочвенности

Мы видим, что в этих цитатах очень мало «положительно-определительного», если можно так выразиться, материала – то есть таких компонентов смысла, которые могли бы войти в толкование значения, составленное определительным способом, наиболее распространенным в терминологии. Это «жизнь без почвы» и «действительные переживания человека». Остальные компоненты подбираются по иному принципу – «отрицательно-перечислительному». Определения через отрицание, отрицательные определения для научной практики, для научного стиля нехарактерны. Но философия имеет особый статус над-науки, духовной деятельности, поэтому отрицательные определения – как и любые другие – в философском тексте вполне уместны.

Приведем точку зрения Н.М. Азаровой, авторитетного исследователя языка русской философии XX века: «Философия является самостоятельным видом духовной деятельности человека (особой формой культуры), подразумевающей особый статус существования языка, отличный от языка науки, а философские тексты нельзя считать подвидом научных текстов. В рамках лингвостилистики философские тексты неверно рассматривать в составе научного стиля речи» [1, с. 18].

Не получается ли в таком случае, что определение «беспочвенность» у Шестова – это совокупность по сути дела отрицательных определений, логически вытекающих из контекстов, где «беспочвенность» или ее аналоги обязательно противопоставлены «почве» или ее аналогам? Тогда «почва» и все, что с ней связано, – это обязательный компонент отрицательной «квазидефиниции». Следовательно, для полной содержательной интерпретации термина «беспочвенность» необходим анализ семантической структуры слова «почва» в произведениях Шестова.

Прежде чем перейти непосредственно к цитатам, кратко остановимся на двух произведениях, в которых лексическое наполнение понятия «почва» осуществляется по-разному. Само слово «почва» при этом практически не используется, но подразумевается: здесь отрицаются некие ценности – и то, что они составляют *почву*, становится понятно лишь в общем контексте творчества Льва Шестова, особенно в контексте «Апофеоза». Видимо, понятие «почва» (а тем более «беспочвенность») еще только формируется. Исследователь творчества Льва Шестова философ В.Л. Курабцев пишет: «В раннем произведении Шестова „Шекспир и его критик Брандес“ (1898) понятие „почва“ связано с оторванностью от жизни и превращением ее в мертвую схему. Это разум, рефлексия, наука с их систематичностью, вниманием только к необходимости и игнорированием субъективности человека» [3, с. 44]. В предисловии к критическому разбору трудов Брандеса Шестов говорит: «…несомненно, что систематичность ума есть верный признак духовной ограниченности, ибо она сознательно предполагает способность многого не видеть и не чувствовать и инстинктивное отвращение ко всему, нарушающему отвлеченный, т. е. мертвый порядок вещей». Дополним, что смысловое наполнение понятия «почва» в «Шекспире» осуществляется за счет следующих сочетаний, остающихся внутри поля «**разумные основания»**: *«стремление к системе», «тесные границы», «законы, существующие для внешнего мира», «поддающаяся наблюдениям внешняя связь», «сложные философские здания», «философские системы». Дальнейшее расширение семантического поля слова «почва» происходит в*

других работах, при этом в синтагмах поля «разумные основания» обращает на себя внимание упорно повторяющаяся сема несвободы: необходимые, принудительные истины, непоколебимые начала разума, бесспорное, окончательное, необходимости, неизбежное, непогрешимый, бесспорный авторитет, кошмарная власть посторонних идей, царство неизменной закономерности, какая-то невозможность, какие-то пределы. Эти семантические компоненты становятся основанием оппозиции беспочвенности как отказа от «почвы» во имя свободы.

Следующий этап оформления понятия «почва» у Шестова – преисполненное пафоса отрицания «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» (1900 г.). Отрицаемыми духовными основами здесь становятся Бог как добро и Бог как братская любовь, т. е. **«моральные санкции»**.

Нравственная «почва» толстовской философии – Бог как добро – отрицается Ницше, а за ним и Шестовым, который буквально издевается над толстовскими рассуждениями. Лейтмотив шестовских рассуждений – отказ от основы, почвы как необходимое условие постижения, познания: «Но по пути к вечной истине он (человек. – *Н.К.*) освобождается от многих тяготевших над ним предрассудков и открывает новые – если не вечные, то во всяком случае более широкие горизонты» [12]. Отказавшись от известных истин, от почвы, Ницше пришел к формуле «по ту сторону добра и зла»: «Ницше был первым из философов, который осмелился прямо и открыто протестовать против исключительной требовательности добра, желавшего, чтоб вопреки всему бесконечному разнообразию действительной жизни люди признавали его „началом и концом всего“, как говорит гр. Толстой» [12]. По мнению Шестова, Ницше открыл путь «от почвы», и Шестов призывает пойти по этому пути дальше – собственно, к беспочвенности, к безосновности – или к «другому Богу», который «выше сострадания, выше добра».

Цитата из работы «На весах Иова» позволяет уточнить шестовское понимание почвы: «Для него (Бога) **не существуют ни моральные санкции, ни разумные основания, он не нуждается, как смертные, в основании, в поддержке, в почве**. Беспочвенность – основная, самая завидная и наиболее для нас непостижимая привилегия божественного. Стало быть, вся наша **моральная борьба**, равно как и разумные искания – раз мы признаем, что Бог есть последняя цель наших стремлений, – рано или поздно (скорее, конечно, поздно, очень поздно) приведут нас к свободе не только от моральных оценок, но и от вечных истин разума. Истина и добро, плоды с „запретного“ дерева, – для ограниченных существ, для изгнанников из рая. Знаю, что осуществить на земле этот идеал свободы от истины и добра невозможно — вернее всего, и не нужно» [13].

У слова «почва» довольно много текстовых синонимов и аналогов: поддержка, основание, несвобода, «должное», необходимости, ограничения (ср.: «Откуда взялось это „должное“, откуда пришли необходимости, насквозь пропитавшие человеческое мышление? Чем держится их сила и власть? Высшее начало, то, что Плотин назвал „единым“, не знает ни должного, ни необходимого, нисколько в их поддержке не нуждается. Оно вообще не нуждается ни в какой поддержке, ни в какой **опоре**. <...> И как „единое“ не нуждается ни в **почве**, ни в **опоре**, так и человек, „пробудившийся к самому себе“, не нуждается ни в какой **почве** и ни в какой **опоре**; он чувствует себя κρείττονος μοίρας (предназначенным более высокому жребию), сбрасывает с себя все тяжеловесные „должен“ и „по необходимости“...» [11].

На основе анализа контекстов мы выбрали смысловые компоненты понятия «почва» у Льва Шестова. Эти лексические единицы группируются в несколько микрополей, отражающих смысловое наполнение слова «почва»: **порядок** (стремление к системе, поддающаяся наблюдениям внешняя связь); **разум и познание** (вечные истины разума, принуждающие истины знания); **несвобода** (необходимость, принуждающие истины); **опора** (твердые основы, бесспорное, окончательное, почва), **добро и мораль** (моральные санкции). Эти же единицы составляют смысловое наполнение термина «беспочвенность» – но с семой «отказ от». Именно многоаспектность и разнородность понятия «почва» дает нам ключ к более полному пониманию «беспочвенности».

Беспочвенность – положенный в основу философской концепции Льва Шестова отказ от догматического мышления, аксиом и вечных истин разума; отказ от системности и поиска поддающейся наблюдению внешней связи, от законов логики, от бесспорных авторитетов и принципов морали – в пользу действительных переживаний человека и временных истин. Беспочвенность противопоставляется почве, опоре, необходимости как реальности человеческого, в том числе и философского бытия и носит характер идеального, неосуществимого.

«Беспочвенность» в текстах Шестова характеризуется словообразовательной спецификой по сравнению с языковым знаком: это семантический омоним, образованный по аналогии с известной моделью, но не от прилагательного «беспочвенный», а напрямую от существительного «почва».

Определение термина «беспочвенность» является контекстуальным, так как смысл его, говоря словами С.Д. Шелова, «наращивается постепенно с изложением какой-либо научной концепции» [9, с. 57], и полиморфным [9, с. 77], т. е. включающим слова, допускающие разные интерпретации (беззаконие, безосновность, опора), что ведет к свойственной философскому термину размытости и неопределенности понятийных границ. Это порождает естественные трудности на пути лингвиста, собирающего материал с целью последующего лексикографического представления.

Кроме того, описание значения термина «беспочвенность» у Шестова строится по анналогии с отрицательно-перечислительной дефиницией: бес-почвенность есть все, что не-почва. Следовательно, само слово «почва», его синонимы и аналоги и все, что с ними связано по смыслу, входят в своеобразную «квазидефиницию» термина «беспочвенность», образуя несколько «полюсов» отрицания: системность

и порядок, истина, логика, разум и познание, «необходимости», добро и мораль.

«Почва» и «беспочвенность» очень тесно связаны, но статус авторского философского термина имеет только второе слово: этому способствует, как мы уже отмечали, включение его в сильную позицию заглавия мировоззренческого манифеста Шестова.

Философская природа термина заключается в постижении нового знания, в открытии новых смыслов – функция познания отчетливо выявляется при обращении к шестовской «беспочвенности»: выявляя смысловое содержание термина, мы открываем для себя особую область духовной деятельности мыслителя.

Данная статья продолжает исследование философской терминологии, которое нельзя признать ни исчерпанным, ни сколько-нибудь полным. Накопление аналитического материала по проблеме – еще один шаг на пути создания словаря терминологии русской религиозной философии.

Литература

1. *Азарова, Н.М.* Типологический очерк языка русских философских текстов XX века / Н.М. Азарова. – М., 2010.

2. Большой академический словарь русского языка. – М.; СПб., 2008.

3. *Курабцев, В.Л.* Миры свободы и чудес Льва Шестова: жизнь мыслителя, «странствования по душам», философия / В.Л. Курабцев. – М., 2005.

4. Национальный корпус русского языка: http://www.ruscorpora.ru/

5. Русская философия: Энциклопедия / ред. М.А. Маслин. – М., 2007.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981.

7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2007.

8. *Чернейко, Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М., 1997.

9. *Шелов, С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С.Д. Шелов. – СПб., 2003.

10. *Шестов, Л.* Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов. – Л., 1991.

11. *Шестов, Л.* Афины и Иерусалим / Л. Шестов. – СПб., 2009.

12. *Шестов, Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь) / Л. Шестов. – URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest01.htm

13. *Шестов, Л.* На весах Иова / Л. Шестов. – М., 2010.

14. *Шестов, Л.* Шекспир и его критик Брандес) / Л. Шестов. – URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest09.htm

УДК 802.0:801

Е.А. Кортун

СИНОНИМИЯ АВИАЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Настоящая работа посвящена изучению явления синонимии в английской терминологии авиастроения и летного дела. В статье раскрывается понятие терминологической синонимии, анализируются различные точки зрения относительно терминологической синонимии, приводится классификация синонимов, выявляются причины возникновения терминологической синонимии.

Термин, синонимия, терминосистема, абсолютная синонимия, условная синонимия.

The paper is devoted to the studying of the synonymy phenomenon in the English terminology of aircraft industry and airmanship. The article considers the notion of terminological synonymy. Different points of view concerning the problem of terminological synonymy are analyzed. The classification of synonyms is given; the reasons of terminological synonymy are identified.

Term, synonymy, term system, absolute synonymy, conditional synonymy.

Проблема использования нескольких специальных лексических единиц для именования одного понятия исследуется достаточно давно как терминоведением, так и другими отраслями лингвистического знания. Синонимия как уникальное лингвистическое явление рассматривается языкознанием в разделе лексической семантики и в рамках семасеологии, изучается с точки зрения семантической структуры синонимов, а также в рамках когнитивного подхода в семантике, при котором исследуется сигнификативный аспект данного явления. Изучением разных аспектов синонимии занимались такие отечественные и зарубежные лингвисты, как Л. Блумфилд, Ф.Р. Палмер, В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А.В. Кунин, И.В. Арнольд, В.А. Звегинцев, Ю.С. Степанов, М.И. Фомина, А.П. Евгеньева, и др.

Кратко обобщая основные теоретические исследования относительно синонимии, можно отметить, что, несмотря на различия в детерминации синонимии как лингвистической данности и обилие подходов к изучению этого явления, большинство ученых считают синонимию обособленным языковым явлением, которое характеризуется особыми сложными отношениями между компонентами и в зависимости от характера этих отношений компоненты будут классифицироваться по-разному в рамках определенного исследования.

Констатируя сходство многих теоретических положений относительно синонимии как лингвистического явления, необходимо отметить, что при номи-